

УДК 811.161.1'373.21 + 821.161.1-91 + 398.5
ББК 105в6 + Ш5(2Р36)6-4Бажов + Ш23

Топонимические предания родины П. П. Бажова

Елена Эдуардовна Иванова

(Уральский федеральный университет: Российская Федерация, 620000,
г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51)

Аннотация. В статье рассматриваются предания родины П. П. Бажова — городов Полевской, Сысерть Свердловской области и их окрестностей. Материалом послужили полевые записи разных времен, архивные и исторические источники. На примере конкретных преданий решается вопрос о соотношении фольклора и исторической действительности. Анализируются предания с мифологическими мотивами (о горе Азов и Гумёшевском медном руднике) и историческими мотивами (о горе Думной, о Марковом камне, о Бессоновой горе). Предпринята попытка восстановить комплекс исторических, лингвистических и текстовых факторов, влияющих на возникновение и бытование преданий. Установлено, что в регионе наблюдается сложное взаимодействие топонимических преданий, топонимической системы и сказов П. П. Бажова. Будучи основанными на местных преданиях, сказы стали импульсом для их последующего бытования и переосмысления (предания про Синюшкин колодец и Посакаушенский прииск). В свою очередь топонимическая система региона испытывает влияние со стороны преданий и сказов П. П. Бажова: наблюдается переосмысление топонимов, их внешнее переформлирование и даже появление новых.

Ключевые слова: русский язык, топонимия, топонимическое предание, фольклор, сказы П. П. Бажова.

Исследование выполнено в рамках проекта «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования», финансируемого Минобрнауки России (номер темы FEUZ-2020-0056).

Дата поступления: 3 апреля 2021 г.

Дата публикации: 25 ноября 2021 г.

Для цитирования: Иванова И. Э. Топонимические предания родины П. П. Бажова // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 4. С. 40–51.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.003>

Термин *топонимическое предание* трактуется по-разному; в рамках нашего исследования будет принята трактовка, согласно которой это устный рассказ, передающийся из поколения в поколение и содержащий информацию о происхождении топонима. В XIX в. топонимические предания интересовали прежде всего историков, этнографов и путешественников как источник сведений о заселении края, народной культуре и укладе жизни (П. С. Паллас, Н. К. Чупин, В. П. Семенов-Тянь-Шанский и др.). Сегодня в первую

очередь предания интересуют филологов. Фольклористы анализируют тематические разновидности преданий, их структурное своеобразие, мотивы, образы etc. (см., к примеру, работы В. П. Кругляшовой, В. В. Блажеса, Н. А. Швабауэр и др., выполненные на материале, записанном на Среднем Урале). Лингвистов топонимические предания интересуют в первую очередь как источник выявления внутренней формы топонима и его мотивации.

Для нашего исследования значим подход, при котором взаимодействие

фольклора и топонимии изучается в **динамическом аспекте**, что предполагает анализ порождения топонимических преданий и их влияния на «внефольклорную» топонимическую систему, а также рассматривается вопрос о **соотношении фольклорного текста и исторической действительности**, который является ключевым при привлечении преданий для этимологизации топонимов: обоснование этих аспектов исследования см. в монографии: [Березович 2000, 428, 476–477]; развитие подобных принципов анализа представлено в статье Е. Л. Березович, В. С. Кучко, О. Д. Суриковой «Топонимическое предание и исторический факт» [Березович и др. 2015]. Эти работы имеют для нас методологическое значение.

Попробуем рассмотреть взаимодействие топонимических преданий и топонимической системы родины П. П. Бажова в динамическом аспекте, отметив, что в лингвофольклорной картине Урала появляется третий участник взаимодействия — **бажовские сказы**, возникшие на основе местных преданий, а также влияющие на бытование народных преданий и топонимию региона.

Родина П. П. Бажова — Сысертский горный округ: Сысертский завод, где он родился, и Полевской завод, где он жил до поступления в семинарию. Сюда Бажов неоднократно возвращался в зрелом возрасте. Сегодня это города Полевской и Сысерть, которые вместе с окрестностями принято называть *бажовскими местами*. Именно там происходят события сказов Бажова, там же он слышал предания горняков, старателей, гранильщиков, камнерезов, которые легли в основу многих сказов.

Материалом для статьи послужили топонимические предания, записанные на родине П. П. Бажова фольклорной экспедицией УрГУ в 1970–1980-е гг., опубликованные в сборнике «Предания и легенды Урала» и некоторых научных статьях. Материал также извлечен из картотеки «Лексика, топонимия, этнография камня», хранящейся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского

федерального университета, и архива Сысертского краеведческого музея. Тексты дореволюционных преданий извлекались из сборника «Дореволюционный фольклор на Урале» (сост. В. П. Бирюков), Географического и статистического словарей Пермской губернии Н. К. Чупина, а также записок путешественников XIX — начала XX в.

При рассмотрении проблемы, касающейся соотношения фольклора, топонимической системы и исторической действительности, предания можно условно поделить на две группы: с мифологическими мотивами и историческими мотивами (такое деление принято, например, в монографии [Березович 2000, 429]). Топонимические предания Среднего Урала относятся, как правило, ко второй категории. Предания родины Бажова в известной мере составляют исключение: несмотря на фактическую достоверность и конкретность деталей, в них могут действовать потусторонние силы и мифические существа.

Из топонимических преданий с **мифологическими мотивами** наиболее известные — про «знаковые» места Полевского: гору Азов и *Гумёшки / Гумёшевский медный рудник*.

ПРЕДАНИЯ О ГОРЕ АЗОВ

Происхождение названия *Азов-горы* старожилы связывают с девкой *Азовкой*¹ — заколдованной девушкой, стерегущей сокровища, спрятанные в горе. Приведем одно из преданий: *«Говорили раньше старые люди, что гора называется Азов, потому что живет на ней в глубокой пещере девка Азовка. Скучно ей там одной, но людям на глаза она не любит показываться; если и показывается, то редко. Но чтобы знали люди, что она жива, каждый вечер, как стемнеет, зажигает она на самой вершине горы огонек. Многие люди видели этот огонек, девку искали, но не нашли»* (Зап. от П. С. Маслякова, 1887 г.р., г. Полевской) [ПЛУ 1991, 72].

Азовка стережет клад, но люди не могут к нему подступиться, причем под кладом на Урале часто понимаются богатства недр²: *«В пещере груды золота,*

¹ Научная этимология: Азов — метафорический перенос башкирско-татарского *азаву* — «коренной зуб» [Матвеев 2008, 10]. Вершина горы увенчана скалой, напоминающей коренной зуб. Эту версию подтверждает форма *Азав*, зафиксированная Палласом [Паллас 1786, 187].

² Ср.: предание о названии соседней деревни *Кладовка*, жители которой «утверждают, что ее название связано с земными кладами: хризолитами и золотом» [МШ 2011, 187].

камней самоцветных, серебра, богатства навалено — и сосчитать нельзя. А около сидит девка-Азовка...» [Швабауэр 2002, 113–114].

Мотив недоступности полезных ископаемых, имеющих вполне реальную основу (не всегда удавалось найти месторождение, а найденное не всегда было доступно для разработки), осмысливается мифологически: горщикам мешают некие природные силы, воплощенные в девке Азовке. Хотя предания различны, прочно сохраняется сюжетное ядро: Азовка попадает в пещеру и охраняет (прячет от людей) подземные клады. Таким образом, Азовка относится к персонажам — хранителям земных недр, которые создаются на базе древних мифологических представлений. Согласно им, подземными богатствами владеют сверхъестественные существа. «Хозяева недр обитают на высоких горах, утесах, в пропастях, в камнях. Они перемещаются под землей по ходам, известным лишь им» [Там же, 24].

На примере преданий про Азовку можно отметить общую черту всех фантастических преданий региона — сочетание фактической достоверности материала и невероятности самих событий. Так, Азовка является в преданиях то дочерью Турчанинова [ПЛУ 1991, 72], то женой Пугачева [Там же, 71], то обычной заводской девушкой, которую украли разбойники [Там же]. Как только Азовка поселяется в пещере, она приобретает фантастическую способность перемещаться под землей» [Швабауэр 2002, 113], закрывает или прячет от людей вход в пещеру, где она живет, может заморозить человека, и тогда он «заплутает, заблудит» [Блажес 1983, 8].

Первый сказ П. П. Бажова «Дорогое имячко» (1936) основан на местных преданиях о горе Азов, отражает их основные мотивы: мотив клада, мотив стона и плача Девки, живущей в пещере, мотив имени, открывающего пещеру. Имя Девки, с помощью которого можно получить богатства Азов-горы, не названо [Бажов 2019, 21]. Как отклик на сказ Бажова воспринимается предание, записанное в 1970-х гг.: «Азов-то гора не простая. Богатства в ней много, да достать-то его трудно... Многие хотели богатство достать, да не умели. Было здесь имячко закланно, кто его назовет — тому гора откроется. Угадать надо было имячко это. Тогда было бы

счастье. А имячко... девки Азовки имячко было. Это ее люди девкой-то Азовкой прозвали» (Зап. от Е. В. Потеряевой, г. Полевской) [ПЛУ 1991, 69].

Сказ Бажова был воспринят как народное творчество. Сам писатель позиционировал себя как собирателя, в примечаниях было указано: тайный сказ «Дорогое имячко» записан П. П. Бажовым по памяти [ДФНУ 1936, 218]. После публикации туристы стали чаще посещать Азов-гору. Местные школьники, разыскивая пещеру с сокровищами, нашли настоящий клад. Он состоял из медных и бронзовых предметов: птицевидных идолов, круглых блях, наконечников копий и т.д. Так была обнаружена стоянка древних людей.

Сказы Бажова возродили предания в памяти местных жителей и стали импульсом для их последующего бытования и сохранения: «А вот говорят, что геологи нашли ту пещеру и много золота. И еще говорят, что девка Азовка и теперь жива, но не является людям, боится» (Зап. от М. А. Семькиной, 1902 г.р., г. Полевской) [ПЛУ 1991, 71]; «У нас у каждой горы своя хозяйка, в том числе у Азов-горы — Азовка» (Зап. от С. А. Ватолина, 1965 г.р., г. Полевской. 2021 г.) [ЛТЭК].

Предания о девке Азовке породили новый топоним: у подножья Азов-горы есть родник, который местные жители и туристы называют Азовкины слёзы [ЛТЭК]: «Может быть, видели у Азов-горы ключ-родник? Думаете, вода в нем? Нет, то слезы девки Азовки. Когда ее заточили в пещеру, стала слезы лить горькие, просить, чтобы выпустили ее на свет поглядеть. Да не тут-то было. Не разжалобила Азовка разбойников, не выпустили ее из пещеры той. Так и плачет она, все глаза уж выплакала. Потому и родников у Азов-горы совсем мало уж осталось... А соседи мои, когда сено косили лет десять назад, слышали даже плач ее» (Зап. от М. И. Теткиной, 1898 г.р., г. Полевской) [ПЛУ 1991, 70].

Мотив слез девушки, превращающихся в воду, достаточно устойчив. Ср: родник *Марьины слёзы* и водопады *Марьины Слезы* на Южном Урале, водопады *Маруськины Слезы* в Приморье и *Девичьи слезы* в Удмуртии и близ Сочи. Слезы мифологических персонажей также могут превращаться в воду, ср.: *слезы Хозяйки* — «о родниках, бьющих в месте раскопа» [ЛТЭК].

ПРЕДАНИЯ О ГУМЁШКАХ

Гумёшки — место, где была найдена медная руда и заложен Гумёшевский медный рудник. Местное население называло его *Медной горой*³. В настоящее время рудник заброшен и представляет собой котловину на окраине города, затопленную грунтовыми водами.

П. П. Бажов вспоминал: «О Гумёшевском руднике, где в течение сотни лет гибли одно за другим несколько поколений рабочих, держались предания и рассказы чуть не в каждой рабочей семье» [Бажов 2019, 378]. По преданию, *Гумёшки* изначально были открыты «старыми людьми», жившими здесь до прихода русских: «стары люди <...> медь в Гумешки вбухали и место утоптали, как *гумно* сделали» [Там же, 738–739]. Рудник действительно был старым, оставленным, что позволяло его связывать со *старыми людьми*: «Гумешки-то нам от старых людей достались. Только, конечно, шахты никакой не били, сверху брали, не как в нынешнее время» [Там же, 10].

Стары люди — древнее население Урала, иначе называемое *чудью*. На основе преданий о старых людях построен сказ Бажова «Дорогое имячко», в котором *Азовка* — дочь их старшины [Там же, 21]. Именно на месте чудских ям в 1702 г. открыли месторождение Гумёшки арамилские рудознатцы Сергей Бабин и Козьма Сулея, первое его описание дали Василий и Иван Томиловы: «Вверх по Чусовой реке, промеж речками Полевыми, на ровном боровом месте два гуменца <...>. И на тех гуменцах копаны ямы <...>, а в тех ямах камня <...>. А около тех же гуменец изгарины многое число, что выметают кузнецы из кузниц» [Чупин 1873, 419].

По предположению Н. К. Чупина, «...гуменцом называли низменный, довольно плоский холм» [Там же, 419]. Диалектные словари позволяют уточнить значения: *гуменце* — «место, где тетерева собираются на ток» [СРГСУ, 7, 229]; *гумёшко* — «вытопанное до голой земли место для ловли птиц силками»; «небольшая поляна, на которую во время ночевки в лесу пускают пасть лошадей» [Там же]; *гумёшко* — «место (иногда специально разрыхленная площадка), где птица купается в песке; в таких местах устанавливаются

ловушки на птицу»; «стоянка в лесу, поле и т.д. (при выпасе животных или дальней поездке); место для такой стоянки» [СГРС, 3, 163–164].

«Все эти слова образованы от *гумно* — «место, где молотят хлеб», для которого ученые восстанавливают первичное значение «место, где скотина мнет скошенный хлеб», т.е. опять-таки «открытое, чистое, вытопанное место»» [Матвеев 2008, 75].

Таким образом, несмотря на мифологический мотив о старых людях, которые «медь в Гумешки вбухали», в предании удивительно точно прослеживается связь со словом *гумно* в его первоначальном значении: «...место утоптали, как *гумно* сделали». Хорошо известно, что «легендарная» мотивировка в большинстве случаев является для топонима вторичной, однако в случае с *Гумёшками* это не так.

ПРЕДАНИЯ С ИСТОРИЧЕСКИМИ МОТИВАМИ

Лингвистов топонимические предания интересуют с точки зрения объяснения внутренней формы топонима и установления мотива номинации: насколько представленная историческая информация достоверна? При всей сложности взаимодействия топонимической системы и фольклора существуют несколько основных вариантов их соотношений [Березович 2000, 476–477]:

1. Фольклорный текст раскрывает *истинную* мотивацию топонима. При этом предание, как правило, возникает практически одновременно с топонимом. Таково предание о ручье и урочище *Церковник* — месте, где в XIX в. старатели добывали золото. Предание записал писатель Б. Рябинин во время путешествия с Бажовым по Полевскому району летом 1939 г.: «По свидетельству старожилов, все, кто работал здесь, должны были отчислять 40% на постройку церкви. Церковь не построили, деньги, конечно, исчезли. Так и осталось как память об этом жульничестве, сотворенном под флагом богоугодного дела, название “Церковник”» [Рябинин 1985, 355]. Современный вариант предания: «*Есть поляна Церковник и озеро Церковник. По легенде, там золото для церкви добывали. Там старые шурфы*

³ Хозяйку именно этой Медной горы встречаем в сказе Бажова.

кругом, и озеро — бывший карьер» (Зап. от С. А. Ватолина, 1965 г.р., г. Полевской. 2021 г.) [ЛТЭК]. Исторические данные подтверждают и дополняют предания: «В давние времена вдоль русла ручья мыли золото. В XIX в. окрестные земли были отписаны Полевскому церковному приходу — отсюда, вероятно, произошло название ручья, который упоминается в сказах Бажова» [БЭ 2007, 472].

2. Фольклорный текст возникает как реакция на уже существующий топоним, тогда в предании происходит вторичное мотивационное переосмысление названия. Таково предание о горе *Храповская*, на вершине которой находятся *Храповские скалы / Храпы*. Вероятно, название отантропонимическое, образовано от фамилии Храпов, распространенной в Сысерти и ее окрестностях. Рядом со скалами находился *Храповской кордон*, с которого следили за лесными пожарами. Форма *Храпы* — вторичная, усеченная⁴, однако именно она повлияла на рождение предания: «Один охотник долго брел по лесу в поисках добычи. Шел он, шел и так сильно устал, что лег и захрапел. Так и храпит по сей день...» [ЛТЭК].

3. Можно говорить о промежуточном варианте соотношения топонимической системы и фольклора: мотивация топонима в предании не противоречит его истинной мотивации: «Гора *Крестовка* — от стариков слышал, как будто бы из Полевского крестовый поход шел (поп с иконами, люди), и останавливались на этой горе» [Блажес 1983, 21]. Обычно Крестовыми называют горы, на вершине которых стоит крест, что не исключает вероятности крестного хода.

Рассмотрим наиболее значимые исторические предания родины П. П. Бажова.

ПРЕДАНИЯ О ГОРЕ ДУМНОЙ

Прозрачная внутренняя форма топонима провоцирует появление многочисленных преданий, вписанных в различные исторические реалии. Так, согласно одному преданию, на этой горе думали «старые люди», переселяться ли им в новые места: «Думали они тут целых три дня. Оттого и гора Думной зовется. Раньше по-другому как-то у ей имя было» [Бажов 2019, 19].

Другое предание отсылает к временам первых русских поселенцев, на которых постоянно нападали местные татары: «Про Думную гору от мамы слышала. Там народ сидел, думал, как отбиться от татар. Они — народ воистый, войска много. Когда битва началась, появился Николай Чудотворец, и наше войско отбило татар. Думная гора вся в камнях — это весь народ был, который превратился в камни. Каждый по отдельности стоит, кто в каком виде. Я на Думной была, сама видела: вся гора в камнях» (Зап. от Е. А. Пальцевой, 1895 г.р., с. Мраморское) [Блажес 1983, 20–21]. Любопытно, что в исторический контекст вписывается известный мифологический мотив — люди, превращенные в камни.

Большинство преданий о горе *Думной* связывают ее название с думами Пугачева. Именно это объяснение услышал будущий писатель от извозчика при своем переезде в Полевской: «Тут, сказывают, Пугачев три дня сидел, думал. Оттого Думная и называется» [Бажов 2019, 722]. Иногда в предании уточняется, о чем думал атаман: «Пугачев со своим отрядом стоял на Думной и размышлял, что делать: идти в наступление или отступить. С тех пор зовется эта гора Думной» (Зап. от В. В. Хмелинина, 1907 г.р., г. Полевской) [ПЛУ 1991, 66].

«Вроде закручинился Пугачев, увидав каторжный труд здешних мастеровых и работных людей, и приказал освободить их от тяжелых железных оков, крикнув кузнецу громовым голосом: “Раскуй их!” И осталась от той поры легендарным свидетелем гора Думная и деревня Раскуиха, что укрылась в лесах неподалеку от Полевского...» [Рябинин 1985, 388–389]. В последнем предании топоним *Думная* дает импульс для вовлечения в предание соседнего топонима — *Раскуиха*. Название деревни произведено от названия соседней речки *Раскуихи*, в которой, по объяснениям местных жителей, лошади часто теряли подковы.

Наиболее полный вариант предания о думах Пугачева встречаем в словаре Чупина: «Об этой горе существует на месте предание, что в смутное время Пугачевщины на этой горе было последнее в той

⁴ Ср.: д. *Волены* — бывш. *Волинкина* (от фамилии *Волинкин*), ур. *Воробьи* — бывш. д. *Воробьева* (от фамилии *Воробьев*) в Свердловской области.

стороне становище Пугачева, который, будто бы, видя решительность и неустрашимость бывшего в то время владельца Полевского завода Алексея Федоровича Турчанинова, раздумал идти в Полевской завод и удалился с своей шайкою; вследствие чего самая гора названа Думною, а в память избавления от нападения поставлена на горе часовня» [Чупин 1873, 458]. Далее историк сообщает, что это предание не соответствует историческим фактам: в то время как один из отрядов Пугачева был вблизи Полевского, сам он осаждал Оренбург [Там же].

Во втором варианте предания говорится не о самом Пугачеве, а о его шайке: «По одному преданию, когда в 1773 году возле горы показалась шайка пугачевцев, на беззащитных жителей напал ужас, но они избавились от нападения благодаря следующему случаю: рассказывают, что, приближаясь к заводу, пугачевские сообщники увидели на горе Думной трех стариков, разъезжающих верхом на конях; предводитель шайки приказал схватить этих всадников; когда отряженные люди отправились выполнять это поручение, им показалось, что из завода выступает многочисленное войско, устранные пугачевцы *раздумали* идти на завод и бежали, оставив в покое всю окрестную местность, почему и гора получила название Думной» [Россия 1914, 443–444].

Однако и это предание идет вразрез с историей: *Думная гора* была так названа задолго до описанных событий. Академик Паллас за три года до Пугачевского восстания записывает следующее объяснение, услышанное от местных жителей: «Думная гора названа по причине бывшего на оной сходбища для соглашения между собою взбунтовавшихся во время заложения сего завода работников» [Паллас 1786, 187].

Название *Думная* прозрачно, из него следует, что на горе происходили некие сходы, советы. Не исключено, что первым из них был сход во время закладки завода (строительство было начато в 1723 г.). Возможно, Паллас мог сделать запись со слов очевидцев. Местные жители дополняют: «Вообще, все значительные события в жизни людей Полевского происходили или обсуждались на Думной горе» [ПЛУ 1991, 67]. Гора находится в черте города, она невысока и достаточно удобна для

подъема. Вершина горы плоская, удобная для собраний большого количества народа.

Гора *Думная* фигурирует и в произведениях П.П. Бажова: когда-то на ее склоне стояла деревянная избушка дедушки Слышко (старого рабочего В.А. Хмелинина), сказы которого в детстве слушал будущий писатель. Любопытно, что сам Бажов становится героем одного из преданий: «*А еще есть Думная. Старички П.П. Бажов, Антропов все и думали на Думной горе, как бы людям сделать жизнь лучше. Соберутся ночью в избе и решают вопрос, как что сделать. Вот отсюда Думная гора*» (Зап. от М.П. Шапошникова, 1888 г.р., г. Полевской) [Кругляшова 1976, 18].

Можем наблюдать, как предания о горе Думной «впитывают» в себя значимые исторические события: вытеснение коренного населения региона, взаимоотношения русских переселенцев и татар, строительство завода, восстание Пугачева и даже проживание в Полевском П.П. Бажова.

ПРЕДАНИЯ О МАРКОВОМ КАМНЕ

Марков камень находится в окрестностях Сысерти. Некоторые краеведы склонны считать, что заводчик А.Ф. Турчанинов, который часто охотился в этих местах, назвал скалу в честь своего внука Марка. У подножия скалы будто бы находилась охотничья избушка, принадлежащая Турчаниновым. На камне, как утверждают старожилы, долгое время существовала надпись «Марк Петрович Турчанинов». П.П. Бажов в сказе «Марков камень» опровергает это предание: «А вот есть чуть не в самой середине нашей заводской дачи гора одна — Марков камень. Которые заводские и думают, что по Марку Турчанинову гора прозывается. Любил, дескать, который-нибудь туда на охоту ездить либо еще что. Ну, только это напрасно говорят. Там вовсе, может, ни один Турчанинов и не бывал. Шибко глухое место, в болотах кругом. Не барское дело по этим местам бродить. Ноги промочит, из носу закаплет. И добычи близко никакой нету, кроме как мягкой камень маленько ковыряют. Название горы по другому Марку поставлено» [Бажов 2019, 63–64].

Сказ Бажова по сути — развернутое топонимическое предание, согласно которому на горе скрывался от преследования

крепостной Марк Береговик. Б. Рябинин считал, что в основе сказа — народное предание, отражающее реальную историю: «Здесь, на камне, до недавнего времени существовала надпись “Марк Петрович Турчанинов”. Не подумайте, что отсюда пошло название камня. Нет! Пошло оно от полевского рабочего Марка, по прозвищу — Береговик, который укрывался здесь вместе с любимой женой от турчаниновского произвола. А уж потом, когда стали звать камень “Марковым”, появилась на нем эта надпись. Даже тут жадный заводвладелец хотел обокрасть своего крепостного» [Рябинин 1985, 387].

Возможно, писатель прав. Кордон *Марков Камень* отмечен на многих картах, а предание о скрывающемся от преследования Марке долго жило в народной памяти: «*Марков Камень — там скрывался Марк с женой, это я слышала, говорили. Жили там. Женица родила ребенка. Потом ушли. Там как башня, камнем всё выложено*» (Зап. от С. А. Темляковой, 1907 г.р., с. Мраморское) [Блажес 1983, 21].

На наш взгляд, именно сказ Бажова утвердил в народе предание о Марке Береговике, а предание о Турчаниновых стало восприниматься как антинародное. Однако, при отсутствии документальных исторических данных, единственное, что мы можем утверждать с уверенностью: название связано с человеком по имени *Марк* (фамилии *Марков*). По сведениям краеведов, на кордоне в прошлом жили рабочие, выжигавшие древесный уголь для заводов ЛТЭК]. Не исключено, что имя одного из рабочих запечатлено в названии *Марков камень*.

ПРЕДАНИЯ О БЕССОНОВОЙ ГОРЕ

Этот топоним имеет несколько вариантов: *Бессонова гора / Бессонная гора / Бесёнова гора*. Официальным является первый, он же, как правило, представлен на картах.

Раньше гора на окраине Сысерти называлась *Караульная*, так как на ней находилась сторожевой пост, охраняющий завод и поселок от внезапных набегов башкир. Название *Бессонова гора* получила после бунта Емельяна Пугачева. В 1773 г. вооруженные отряды повстанцев под предводительством Грязнова расположились

лагерем на горе. Обороной Сысерти руководил лейб-гвардии сержант Бессонов, который погиб в бою за взятие горы. Он был похоронен на вершине этой горы (вариант — ему был поставлен памятник на горе), отчего она и получила название *Бессоновой* [Архив, 33 X].

Вариант *Бессонная* возник благодаря преданию, согласно которому в ожидании нашествия пугачевских отрядов там *без сна* проводили дни и ночи охранники завода [ЛТЭК].

Сегодня жители г. Сысерти предпочитают называть гору *Бесёнова* или *Бесёнова*. Названия являются результатом народной этимологии: якобы на горе жили *бесы* [Там же]. Вариант *Бесёнова* достаточно старый — например, он фиксируется на Орографической карте южной части Урала 1904 г., также встречается на современных картах местного значения. Так, на Топографической карте центра Свердловской области 2003 г. встречаем вариант *Бесёнова*. Предания о *Бессоновой горе* — замечательный пример влияния фольклорного текста на форму топонима.

НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ И БАЖОВСКИЕ СКАЗЫ

Герои сказов Бажова воспринимаются как народные, существовавшие в реальности. Так, село Косой Брод прославлено в сказах как родина Никиты Жабрея. «Спустя годы заезжий корреспондент спрашивал местных жителей: “А правда ли, что жил Жабрей в Косом Броду?” — “И Жабрей был, и Жабрейха была — вон их избушка стояла”, — отвечали уверенно и указали в сторону... школы⁵» [Рябинин 1985, 366]. Хотя сам автор отмечал, что Жабрей — персонаж выдуманный.

Такая народность образов объясняется тем, что Бажов много лет занимался собиранием рабочего фольклора. Писатель общался с местными стариками, разыскивая их через читателей и знакомых, а приезжая в какой-нибудь поселок, обязательно устраивал беседу с ними [Блажес 1983, 12]. П. П. Бажов постоянно подчеркивал, что он ничего не сочиняет, а только передает то, что когда-то слышал в рабочей среде [Блажес 1976, 79].

⁵ В сказе «Жабреев ходок» говорится, что избушка Жабрея стояла на месте школы [Бажов 2019, 384].

Бажов довольно точно описывает в сказах окрестности Полевского и Сысерти, поэтому понятно желание людей найти указанные объекты, особенно если они связаны с добычей золота или самоцветов. Так, согласно сказу, *жабреев ходок* находился меж *каменных губ*, которые могут открыться и пустить к золоту [Бажов 2019, 390]. Краеведы ищут и даже находят каменные останцы в окрестностях Косого Брода. Ср., например: «На закате дня, чуть ли не у речки Мочаловки, мы вышли наконец на загадочное каменное изваяние. Справа, в золоте закатного солнца, среди бронзы гигантских сосен выросли, как в сказе, два камня. Ровно ковриги исподками сложены: одна снизу, другая сверху. Ни дать ни взять — губы». На подписи к фотографии номинация фигурирует уже как имя собственное: *Каменные губы* [МШ 2011, 104].

Другой топоним *Каменные губы* уже попал на многие карты. Это водопад на речке Глубокой недалеко от Глубоченского пруда. Скалы, похожие на губы, как бы обхватывают поток воды. Название недавнее, дано краеведами: «*Водопад Каменные губы — местные это название не воспринимают, говорят просто Водопад. Это краеведы просто приурочили к сказу Бажова, а каменные губы — это другое, это когда две каменные лепешки друг на дружке лежат*» (Зап. от С. А. Ваголина, 1965 г.р., г. Полевской. 2021 г.) [ЛТЭК].

Некоторые топонимы в бажовских местах начинают переосмысляться под влиянием сказов Бажова. Один из ярких примеров — про речку *Поскакуху / Поскакушку* и *Поскакушинский золотоносный прииск*.

ПРЕДАНИЯ ПРО РЕЧКУ ПОСКАКУШКУ И ПОСКАКУШИНСКИЙ ПРИИСК

В народных преданиях название речки и прииска связывают с особенностями залегания золота и золотодобычи: «*Поскакуха у нас речка есть. Там необычное золото: местами есть, местами нет. Вот есть золото, жила вроде, а рядом шурф бьют — нет его. Перепрыгнут дальше, бьют шурф — снова золото. Вот и “прыгают”, “скачут” шурфами, поэтому и речку Поскакухой назвали. Отсюда и Бажов свою Поскакушку взял*» (Зап. от А. П. Федоровой, 1893 г.р., г. Полевской) [Блажес 1983, 10].

На это же предание ссылается П. П. Бажов: «Причем Поскакушинский прииск <...> назван так потому, что через болота скакать надо, — там наскачешься; с одного места начинать разрабатывать — оно (золото. — *Е. И.*) кончится, опять надо начинать снова, перескакивать» [Бажов 2019, 864].

На самом деле первично наименование реки: *Поскакухами, Скакухами* называют небольшие речки с быстрым течением, «скачущие» по перекатам. Отсюда и название прииска, и имя шустрой героини бажовского сказа *Огневушка-Поскакушка*, которая пляшет вокруг костра, указывая на золото.

Поскакушка — плод фантазии писателя, основанный на старых уральских поверьях и легендах о чудесном горении золота. Можно вспомнить полевские предания, в которых огонь указывает на золото: это или столбы пламени [ПЛУ 1991, 107–108], или горная свеча: «там, где вечером свеча горит, утром золото находят» [Там же, 112]. Приведем полный текст одного из преданий: «*Раньше суеверия были разные. Говорили, где золото, то девка красивая покажется, то огонь загорается, то змеи кучками выходили, если близко от воды. Что-нибудь да казалось*» (Зап. от Н. Г. Тупицина, 1904 г.р., д. Полдневая) [ПЛУ, 112].

В уральских преданиях встречается также персонифицированный образ огня — *Огневица*, являющаяся в образе девушки и предупреждающая людей о пожарах. Она также может указывать на золото [Голубая жемчужина 1958, 40]. У Бажова *Поскакушка* не девушка, а маленькая девчоночка, поскольку сказ ориентирован на детскую аудиторию. А имя героини подсказано названием бурной речки *Поскакушки*.

Сам П. П. Бажов так отвечал на вопрос М. А. Батина о фольклорной основе сказа: «В Огневушке-Поскакушке изображается открытие золота, которое, так сказать, “сидит редькой”, то есть сверху более или менее широкие гнезда, а потом суживаются, сходят на нет» [БЭ 2007, 279]. Так и *Поскакушка* танцует вокруг костра, делая всё более широкие круги, указывающие на залежи золота.

Местные жители и туристы уверены, что действие сказа происходит у *Поскакушинского* прииска, и его название

связывают с Огневушкой-Поскакушкой. Собственно говоря, эту версию предлагает сам писатель, сообщая, что на указанном Поскакушкой месте открыли прииск, который «и посейчас зовется Поскакушкинский» [Бажов 2019, 318]. В результате народной этимологии топоним трансформируется в *Поскакушкин*: «Вот я подъехал к Поскакушкину прииску. Здесь происходило все из сказки “Огневушка-Поскакушка”. Поговорил с Поскакушкой. Она меня, конечно, услышала, но не стала со мной разговаривать» [ЛТЭК].

ПРЕДАНИЯ ПРО СИНЮШКИН КОЛОДЕЦ

Еще один пример влияния сказа Бажова на местную топонимию — предание о *Синюшкином колодеце*, которое записал Б. Рябинин во время поездки по Полевскому району вместе с Бажовым: «До того, как был заложен рудник, по речкам Железенке и Зюзельке разрабатывался богатейший золотой прииск. Места были глухие — тайга, кругом топи, ни дорог, ни тропинок. Отыщет старатель богатую жилу, заметит местность, “знаки”, какие надо, оставит. Назавтра пришел: ни примет, ни “знаков”... Сколько угодно ищи, не найдешь. Будто в колодец все провалилось! Так и звали эти богатые, но “заколдованные” места: “Синюшкин колодец”. А почему Синюшкин? Там, где залегают медные руды, в сырую погоду обычно появляется синеватый туман. Вязкий, тяжелый, медленно стелется он по поверхности земли. Отсюда, надо полагать, и родилось это прозвище: “Синюшкин”» [Рябинин 1985, 325].

Отметим, что сказ «Синюшкин колодец» к этому времени уже был написан (декабрь 1938 г.). Вероятно, Бажов рассказывает Рябинину свою версию предания — ведь никаких преданий про *Синюшку* и *Синюшкин колодец* у старожилов записать не удалось: «*Синюшкин колодец — его на Мраморе не должно быть, только по книге Бажова можно узнать. Есть тут ключ, но при моей памяти его не называли Синюшкиным колодецем, а сейчас дети называют. Срубик там есть. И воду сам пивал*» (Зап. от М.И. Петровского, 1909 г.р., с. Мраморское) [Блажес 1983, 21]; «*Синюшкин колодец я узнать не могу, то ли это за*

карьером, то ли на покосе у меня. И там и там есть ключ подходящий. За карьером у ключа барак когда-то стоял, когда лесозаготовки были. Следили за ключом, воду брали. Вода хорошая. Два метра воды и дно видно в хорошую погоду» (Зап. от В.Я. Комарова, 1904 г.р., с. Мраморское) [Там же].

Интересно, что местные жители говорят про *ключ*. Ср. в диалектах: *колодец* — ‘источник, родник, ключ’ [СРНГ 14, 155–156]. У Бажова же *Синюшкин колодец* — круглое окошко с водой на полянке среди болот. Вспомним, что шел Илья через Зюзельское болотце: «Шел-шел, видит — на полянке окошко круглое, а в нем вода, как в ключе, только дна не видно. Вода будто чистая, только сверху синенькой тенеткой подернулась и посредине паучок сидит, тоже синий» [Бажов 1919, 264]. Ср.: *колодец* — ‘не заросший травой провал в болоте, заполненный водой; окно’ [СРНГ 14, 155–166].

Сам П. П. Бажов в воспоминаниях писал, что слышанные им когда-то сюжеты про *синий туман* очень отличаются от написанного им: «По правде сказать, сказка про синий туман не так говорится. Старатели, как и солдаты, женщин подолгу не видят. И в сказах, понятно, они обязательно приплетут женщину. На этом и бабка Синюшка была построена: парень, девка и всё такое...» [БЭ 2007, 366].

Сказ основан на материале преданий и примет горняков и старателей. Медный колчедан делает грунтовую воду в копях и шахтных колодцах синей, а синеватый туман в сырую погоду указывает на залежи медной руды. Так и бабка Синюшка сидит на сокровищах: «Где она сидит, тут и богатство положено. Сживи Синюшку с места — и откроется полный колодец⁶ золота да дорогих камней. Тогда и греби, сколь рука взяла. Многие будто ходили искать, да либо ни с чем воротились, либо с концом загнули» [Бажов 2019, 267]. Таким образом, бабка Синюшка также является хранительницей земных недр, которая отдает богатства «гораздому, да удалому», а бесчестный, вороватый и ленивый не выдерживает испытаний и погибает.

После публикации сказа полевчане стали искать в окрестностях Синюшкин колодец. Из фольклорных записей УрГУ видно, что уже в 1970-х гг. дети называли так какой-то ключик. Сегодня

⁶ Ср.: Колодец — ‘рудная дудка, спуск в землю’ [Даль. Т. 2, 139].

имя «официально» присвоено роднику в окрестностях Зюзельского месторождения, ведь именно там, согласно бажовскому сказу, обитает Синюшка. Теперь это известный *туристический* объект. Итак, благодаря сказу Бажова на карте окрестностей Полевского появился новый топоним *Синюшкин Колодец*.

ВЫВОДЫ

В результате исследования выявлено, что в регионе наблюдается сложное взаимодействие топонимических преданий, топонимии и сказов П. П. Бажова. Определим роль каждого из составляющих элементов, используя избранную методику анализа, которая, как говорилось выше, изложена в статье [Березович и др. 2015, 128–129].

Топонимические предания:

— могут возникать одновременно с топонимом и отражать реальные исторические события (*Церковник*);

— могут возникать как реакция на уже существующее название и содержать народную этимологию или вторичное мотивационное переосмысление топонима (гора *Храпы*);

— могут сочетать мифологические и исторические мотивы (предание о думах народа на горе *Думной* и людях, превратившихся в камни);

— впитывают в себя новые исторические события и перерабатывают их в соответствии с заданным сюжетом (думы разных героев на горе *Думной*);

— могут возникать как реакция на устойчивые предания и провоцироваться устойчивыми мотивами (родник *Азовкины слезы*);

— испытывают влияние сказов Бажова (предания о *Марковом камне*, *Поскакушкином прииске*);

— бытуют сегодня во многом благодаря сказам Бажова, которые воспринимаются как фиксация народных преданий и доступны для чтения.

Бажовские сказы:

— отражают реально существующую местную топонимическую систему;

— многие сказы основаны на народных преданиях (о горе *Азов*, о *старых людях*, о *Марковом камне*);

— некоторые герои вымышлены Бажовым, но их образы основаны на мотивах и образах народных преданий (*Огневушка-Поскакушка*, *Синюшка*), воспринимаются как народные;

— бажовские сказы влияют на топонимическую систему региона (*Синюшкин колодец*, *Поскакушкин прииск*, *Каменные губы*).

Топонимическая система:

— в топонимической системе могут встречаться названия, связанные с реальными историческими событиями и закрепленные в преданиях (*Церковник*);

— если внутренняя форма топонима непрозрачна, то такое имя подвергается в предании переосмыслению (*Азов*);

— если географическое название имеет прозрачную и однозначно прочитываемую внутреннюю форму, это тоже может являться импульсом для возникновения предания (*Думная*);

— «легендарная» мотивировка в большинстве случаев является для топонима вторичной, но есть и исключения (*Гумешки — гумно*);

— устанавливается связь топонимов, попавших в фольклорный текст, с названиями смежных географических объектов (*Азовка — Азовкины слезы*; *Думная — Раскуиха*);

— в топонимической системе могут появляться названия, мотивированные текстом сказов (*Синюшкин колодец*, *Каменные губы*);

— топонимы могут изменять форму под влиянием текста сказа (*Поскакушкинский прииск — Поскакушкин прииск*) или предания (гора *Бессонова — Бессонная — Бесёнова*).

Источники и материалы

Архив — Архив Краеведческого музея г. Сырты.

Бажов 2019 — *Бажов П. П.* Малахитовая шкатулка: Науч. изд. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019.

Голубая жемчужина 1958 — Голубая жемчужина: легенды, предания, сказы дореволюционного Урала / Лит. запись С. К. Власовой;

Под ред. канд. филол. наук М. Г. Китайника. Челябинск: Челяб. кн. изд-во, 1958.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

ДФНУ 1936 — Дореволюционный фольклор на Урале / Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск: Свердловгиз, 1936.

Кругляшова 1976 — *Кругляшова В. П.* К истории и методике собирания преданий // Фольклор Урала. Свердловск: [УрГУ], 1976. Вып. 1: Народная проза. С. 3–23.

ЛТЭК — Лексика, топонимия, этнография камня (картотека кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, г. Екатеринбург).

Матвеев 2008 — *Матвеев А. К.* Географические названия Урала: Топонимический словарь. Екатеринбург: Сократ, 2008.

МШ 2011 — Малахитовая шкатулка: В поисках новых ключей: Путешествия со сказами Бажова / Авт. очерков А. П. Чернускутов, Ю. В. Шинкаренко. Екатеринбург: Сократ, 2011.

Паллас 1786 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Ч. 2. Кн. 1. 1770 год. СПб.: Императорская академия наук, 1786.

ПЛУ 1991 — Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы / Сост., вступ. ст. и коммент. В. П. Кругляшовой. Свердловск: Сред.-Урал. е кн. изд-во, 1991.

Россия 1914 — Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга. Т. 5: Урал и Приуралье / Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского СПб.: А. Ф. Девриен, 1914.

Рябинин 1985 — *Рябинин Б. С.* Ушедшее — живущее: Кн. воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1985.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера Т. 1 / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1964–1988.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22),

Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

Чупин 1873 — *Чупин Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь: Тип. Поповой, 1873.

Исследования

БЭ 2007 — Бажовская энциклопедия / Ред.-сост. В. В. Блажес, М. А. Литовская. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та: Сократ, 2007.

Березович 2000 — *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Березович и др. 2015 — *Березович Е. Л., Кучко В. С., Сурикова О. Д.* Топонимическое предание и исторический факт (на материале преданий о разбойниках восточного Вологодско-Костромского пограничья) // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 108–133.

Блажес 1976 — *Блажес В. В.* О фольклоризме бажовских сказок. Полемиические заметки // Фольклор Урала. Свердловск: [УрГУ], 1976. [Вып. 2]: Народная проза. С. 79–97.

Блажес 1982 — *Блажес В. В.* П. П. Бажов и рабочий фольклор: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов филол. фак. Свердловск: УрГУ, 1982.

Блажес 1983 — *Блажес В. В.* Рабочие предания родины П. П. Бажова // Фольклор Урала. Свердловск: [УрГУ], 1983. [Вып. 7]: Бытование фольклора в современности (на материале экспедиций 60–80 годов). С. 5–22.

Швабауэр 2002 — *Швабауэр Н. А.* Типология фантастических персонажей в фольклоре горнорабочих Западной Европы и России: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2002.

© Е. Э. Иванова, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Е. Э. <https://orcid.org/0000-0002-7761-3265>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета: Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; тел.: +7 (343) 389-97-38; e-mail: paklina.len@yandex.ru

Toponymic Legends of P. P. Bazhov's Homeland

Elena E. Ivanova

(Ural Federal University: 51, Lenin av., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation)

Summary. *This article deals with the legends of P.P. Bazhov's homeland — the cities of Polevskoi and Sysert in the Sverdlovsk region and their environs. Field records from different times, archival and historical sources are the basis for the research. The relationship between folklore and historical reality is considered in the case of specific legends. The author analyzes*

legends with mythological motifs (about Mt. Azov and the Gumeshev copper mine) and historical ones (about Mt. Dumnyaya, the Markov Stone, and Mt. Besson). An attempt is made to reconstruct the complex of historical, linguistic and textual factors that affect the origin of legends. It is established that in this region there is a complicated interaction between toponymic legends, the toponymic system and P.P. Bazhov's tales. Based on local legends, the tales have attracted persistent interest and reinterpretation (such as the legends about the Sinyushkin Well and the Poskakushenskii Mine). In turn, the toponymic system of the region has been influenced by the legends and by P.P. Bazhov's tales. This has led to a rethinking of toponyms, their external reformulation, and even the appearance of new ones.

Key words: Russian language, toponymy, toponymic legend, folklore, P.P. Bazhov's tales.

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the project "The Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies," funded by the Ministry of Education and Science of Russia (topic number FEUZ-2020-0056).

Received: April 3, 2021.

Date of publication: November 25, 2021.

For citation: Ivanova E. E. Toponymic Legends of P.P. Bazhov's Homeland. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 4. Pp. 40–51. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.003>

References

Berezovich E. L. (2000) Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Mifopoeticheskii obraz prostranstva [Russian Place Names in Ethnolinguistic Perspective: The Mythopoetic Image of Space]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. In Russian.

Berezovich E. L., Kuchko V. S., Surikova O. D. (2015) Toponimicheskoe predanie i istoricheskii fakt (na materiale predanii o razboinikakh vostochnogo Vologodsko-Kostromskogo pogranich'ya) [Toponymic Legends and Historical Facts (Legends About Robbers in the Vologda and Kostroma Regions Eastern Boundary Area)]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. 2015. No. 1 (18). Pp. 108–133. DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.1.006. In Russian.

Blazhes V. V. (1982) P.P. Bazhov i rabochii fol'klor: Uchebnoe posobie [P.P. Bazhov and Workers' Folklore: A Textbook]. Sverdlovsk: Ural'skii gosudarstvennyi universitet. In Russian.

Blazhes V. V., Litovskaya M. A. (eds.) (2007) Bazhovskaya entsiklopediya [Bazhov Encyclope-

dia]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta: Sokrat. In Russian.

Blazhes V. V. (1976) O fol'klorizme bazhovskikh skazok. Polemicheskie zametki [On Folklore in Bazhov's Fairy Tales. Polemical Notes]. In: *Fol'klor Urala*. Vypusk 2: Narodnaya proza [Folklore of the Urals. Issue 2: Folk prose]. Sverdlovsk: Ural'skii gosudarstvennyi universitet. Pp. 79–97. In Russian.

Blazhes V. V. (1983) Rabochie predaniya ro diny P.P. Bazhova [Workers' Legends of P.P. Bazhov's Homeland]. In: *Fol'klor Urala*. Vypusk 7: Bytovanie fol'klora v sovremennosti (na materiale ekspeditsii 60–80-kh godov) [Folklore of the Urals. Issue 7: Existence of Folklore in Modern Times (Based on the Material of the Expeditions of 1960–80s)]. Sverdlovsk: Ural'skii gosudarstvennyi universitet. Pp. 5–22. In Russian.

Shvabauer N. A. (2002) Tipologiya fantasticheskikh personazhei v fol'klore gornorabochikh Zapadnoi Evropy i Rossii [Typology of Fantastic Characters in the Folklore of Miners of Western Europe and Russia]. DSc dis. Chelyabinsk. In Russian.

© E. E. Ivanova, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Elena E. Ivanova <https://orcid.org/0000-0002-7761-3265>

E-mail: paklina.len@yandex.ru

Tel.: +7 (343) 389-97-38

51, Lenin av., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)